

Супруги несколько мгновений смотрели друг на друга, и у обоих покраснели уши.

Снаружи слышались шаги и голоса, проходившие мимо, и они поспешно отвели глаза. Цин Янь убрал выпавшую прядь волос за ухо.

В этот момент в дверь лавки постучали, и снаружи раздался голос Сяо Чжуана:

— Мастер, пришёл клиент за готовым железным котлом.

Услышав стук в дверь, Цин Янь сделал два шага назад, выходя из объятий Цю Хэняня.

Но едва он успел встать, как Цю Хэнянь подошёл к нему и взял его за запястье. Стук в дверь продолжался, и Цин Янь заметно занервничал, но прежде чем он успел что-то сказать, Цю Хэнянь слегка сжал его запястье и тихо произнёс:

— Я постараюсь сегодня вернуться пораньше.

После этих слов он отпустил супруга, бегло осмотрел его, поправил воротник на его одежде и лишь тогда развернулся, чтобы открыть дверь.

Сяо Чжуан привёл с собой мужчину средних лет. Цю Хэнянь откинул занавес на стойке с железными изделиями. Цин Янь, бросив короткое:

— Вы заняты, я пойду, — покинул кузницу.

На улице дул холодный ветер, но Цин Янь его почти не чувствовал. Напротив, в уголках его глаз и на губах играла радостная улыбка, которую он никак не мог сдержать. Он прекрасно понял, что имел в виду Цю Хэнянь своими словами.

Они уже давно не были близки. Цин Янь, конечно, скучал по этому, и сегодня, направляясь в кузницу, он заранее всё обдумал. Они ведь говорили о ребёнке, но если даже не ложиться в одну постель, откуда же взяться ребёнку?

Вернувшись домой, Цин Янь покормил домашних животных и начал заниматься делами в передней комнате. Он заранее подготовил всё для ужина. Завтра утром опять нужно будет рано вставать, чтобы каждый занялся своими делами. Поэтому сегодня нельзя ложиться слишком поздно.

Цин Янь продумал всё до мелочей: ужинать нужно пораньше, чтобы после еды осталось время искупаться. Он перестелил постель, положил самодельную мягкую подстилку и перенёс лежанку А-Мяо в соседнюю комнату.

Ещё не стемнело, а Цю Хэнянь уже вернулся домой, как и обещал.

Цин Янь быстро приготовил ужин, и они сели за стол. Они почти не разговаривали и ели быстрее, чем обычно. После ужина они молча убрали со стола и принялись за свои дела: кто-то разжигал воду, кто-то ставил ванну.

Когда вода была готова, Цю Хэнянь, как обычно, предложил Цин Яню первым принять ванну, но тот отказался. Тогда Цю Хэнянь снял верхнюю одежду и первым залез в ванну.

Цин Янь прикусил губу, сбросил с себя одежду и шагнул в ванну. Во время купания они слились в поцелуе, тесно прижимаясь друг к другу.

Когда, наконец, помывшись, они вернулись в спальню, Цин Янь лёг на спину, доверчиво глядя на мужчину, что склонился над ним. Цю Хэнянь протянул руку и пощупал, его ладонь стала влажной. Человек под ним мягко простонал, лицо залилось румянцем, ясно показывая, что он был полностью готов.

У Цю Хэняня заметно дёрнулся кадык, и он склонился над ним...

Вдруг раздался громкий стук. Звук был далёким, словно доносящимся из другого мира, но всё же проник в комнату. Вслед за этим снаружи послышался встревоженный голос А-Мяо.

Движения Цю Хэняня замерли. Он нахмурился, взглянув в сторону окна.

— Кто-то стучит в дверь, — сказал он.

Цин Янь всё ещё был погружён в жаркие ощущения, не успев прийти в себя. Но стук становился всё громче, и он тоже его услышал.

— Так поздно... кто бы это мог быть? — неясно пробормотал Цин Янь.

Цю Хэнянь ответил:

— Я пойду посмотрю.

С этими словами он крепко сжал изящный подбородок Цин Яня и жадно поцеловал его сочные, влажные губы. На его лбу вздулись жилы, и он с трудом заставил себя отстраниться.

Цин Янь едва слышно ахнул, чувствуя, как его тело опустело.

Цю Хэнянь быстро вытерся и накинул одежду. Его движения были поспешными, но взгляд всё

время оставался прикован к Цин Яню. Увидев, как тот, весь белый и нежный, ерзает на простыне, ему пришлось приложить усилия, чтобы не вернуться в постель.

Когда он был полностью одет, Цю Хэнянь опустился на одно колено у края кровати, аккуратно укрыл Цин Яня одеялом и сказал:

— Я скоро вернусь.

Он поспешно вышел из комнаты.

Цин Янь, укрывшись одеялом, всё ещё ощущал тепло и томление, которое никак не хотело покидать его.

Он прислушался. Сначала слышались шаги Цю Хэняня, направлявшегося к воротам двора, затем звук открывающихся ворот. Кто-то взволнованно заговорил, на что знакомый голос Цю Хэняня ответил несколько слов.

После короткого разговора шаги вернулись обратно через двор к наружной двери.

В следующую секунду внутренняя дверь тоже открылась, и Цю Хэнянь, неся с собой холодный воздух, быстро вошёл внутрь.

Закрыв дверь, он сказал:

— Быстрее, Цин Янь, одевайся. Нам нужно срочно выйти.

— Что случилось? — Цин Янь, всё ещё укрытый одеялом, приподнялся.

Лицо Цю Хэняня было напряжено:

— Лю Сян умер. Его тело только что доставили в дом Лю Фа.

Цин Янь побледнел.

— Разве не говорили, что он вот-вот родит? Как же так?

Цю Хэнянь посмотрел на него и произнёс:

— Это были осложнения при родах.

Цин Янь поспешно отбросил одеяло и принялся торопливо натягивать нижнюю одежду.

Цю Хэнянь, тем временем, смочил ткань в воде. Когда Цин Янь натянул одежду, Цю Хэнянь остановил его:

— Подожди.

Он поднял подол одежды Цин Яня и, действуя быстро, но осторожно, вытер его внизу.

Их дела, которые изначально были интимными и личными, теперь пришлось оставить. Цин Янь больше не думал о смущении. После того как Цю Хэнянь его вытер, он быстро натянул штаны, надел тёплую одежду, кое-как собрал волосы и вместе с Цю Хэнянем поспешил выйти из дома.

По пути Цю Хэнянь рассказал Цин Яню, что человек, который только что стучал в дверь, был соседом семьи Лю Фа. Они часто вместе играли в карты и болтали, поэтому были хорошо знакомы. Сосед сказал, что Лю Фа попросил передать, чтобы они пришли, потому что у него есть дело к Цю Хэняню, а его жена совсем потеряла себя от рыданий. Ци Инлань тоже был так напуган, что не мог вымолвить ни слова, поэтому попросили, чтобы Цин Янь тоже пришёл и поддержал их.

На севере в начале декабря уже зима, ночи особенно холодные. К тому же этой ночью не было луны, и на улицах стояла кромешная тьма. Они вышли так поспешно, что даже не взяли фонарь. Цю Хэнянь держал Цин Яня за руку, ведя его позади себя. На неровной дороге они шли, то оступаясь, то спотыкаясь, пока не дошли до улицы, где находился дом Лю Фа.

Ещё с расстояния было видно, что все окна дома Лю Фа светились. Во дворе металась чьи-то тени, раздавались душераздирающие крики и резкие ругательства.

Цю Хэнянь на мгновение остановился, нахмурившись, и Цин Янь тоже замер.

— Ты останешься в комнате у Ци Инланя. Не выходи, — сказал Цю Хэнянь, обернувшись к нему. — Как закончу, сразу приду за тобой.

Цин Янь кивнул. Цю Хэнянь слегка сжал его подбородок пальцами, после чего они вместе направились к дому.

Ворота во двор были открыты, внутри горели фонари. Несколько мужчин, похожих на носильщиков, сидели на низких табуретах, отдыхая. На земле рядом с ними лежала большая деревянная доска размером с дверное полотно, с ручками по углам. Поверх доски была заброшена грязная, изношенная циновка.

Когда Цин Янь проходил мимо, он почувствовал странный запах. Он был одновременно сладковатым и затхлым, что вызывало отвращение и почти подступающую тошноту.

Подойдя к входу в дом, они остановились. Цин Янь заглянул внутрь и увидел, что Лю Юнфу сидел на корточках в углу комнаты. Рядом с ним также сидел Лю Юн, неподвижно глядя в одну точку.

Чжан Цзюй сидела на полу, била себя по бёдрам, громко рыдая и ругаясь. Лю Цай стоял рядом с ней, бледный и что-то говорил ей. Перед ними, прямо на полу, лежало тело, накрытое с головы до ног мешковиной. На месте живота ткань сильно выпирала. Из-под края мешковины торчала одна синевато-фиолетовая рука.

Прежде чем он смог полностью разглядеть это, Цю Хэнянь положил руку ему на плечо и развернул в другую сторону.

Тем временем Лю Фа заметил их и поспешил выйти из дома. Он извинился за то, что потревожил их так поздно, и сказал:

— Моя жена сейчас у Инланя, Цин Янь, пожалуйста, присмотри за ними.

Цин Янь кивнул в ответ. Цю Хэнянь слегка сжал его запястье, а затем мягко подтолкнул вперёд:

— Иди.

Направляясь к соседнему дому, Цин Янь услышал, как в промежутках между плачем Лю Фа тихо говорил Цю Хэняню:

— Тело Лю Сяна было закопано в пустынном месте семьей Ян. Умер два-три дня назад, и только сейчас об этом стало известно. Это Чжан Цзюй и Лю Юнфу нашли людей, чтобы откопать его...

Остальное было неразборчиво, но уже этих слов хватило, чтобы Цин Янь почувствовал озноб и холодный пот выступил у него на спине.

Он постучал в дверь соседнего дома, и внутри послышались шаги. Ци Инлань открыл дверь, держа на руках плачущего ребёнка. Его лицо было бледным как мел, глаза покраснели от слёз. Увидев Цин Яня, он тихо воскликнул:

— Цин Янь, почему наша семья такая несчастливая?!

Цин Янь мягко похлопал его по руке и успокоил:

— У вас есть братья, они помогут. Всё будет хорошо.

С этими словами он взял ребёнка на руки и добавил:

— Ты иди отдохни, я сам убаюкаю его.

Ци Инлань был подавлен, а маленький Чжуан-Чжуан, которому было около года, тоже заметил настроение взрослых и становился всё более беспокойным. К тому же уже давно было время спать, но он не мог уснуть и продолжал плакать. Ци Инлань долго пытался успокоить ребёнка, но, потеряв терпение, повысил голос, отчего тот стал плакать ещё громче.

Когда Цин Янь забрал ребёнка, Ци Инлань почувствовал облегчение, вытер слёзы и ушёл в комнату. Цин Янь последовал за ним. Жена Лю Фа сидела на кровати, привалившись к тёплой стене, и тихо плакала.

Увидев Цин Яня, она поспешила вытереть лицо платком и прохрипела:

— Цин Янь пришёл.

Её голос был настолько осипшим, что почти не звучал, как будто ржавое железо скребли по котлу. Она попыталась встать, чтобы предложить Цин Яню воды или пригласить его сесть. Но Цин Янь, качая ребёнка на руках, остановил её:

— Не вставайте, сестра. Я и так у вас частый гость, знаю, где всё лежит. Если захочу пить, сам себе налью.

Жена Лю Фа тяжело вздохнула и снова села без сил. Слёзы снова заструились по её лицу. Ци Инлань сел рядом с ней, облокотился на её плечо и тоже расплакался.

Цин Янь успокаивал ребёнка, наблюдая за этой сценой, и тяжело вздохнул.

Наконец, Чжуан-Чжуан заснул. Ци Инлань постелил для него на кровати, и Цин Янь осторожно уложил ребёнка, накрыв его одеяльцем.

Малыш уже был довольно крупным для своего возраста, и после долгого времени на руках у Цин Яня слегка онемели руки. Однако он вовсе не жаловался — тепло мягкого детского тела помогло ему немного успокоить собственное беспокойство.

Он провёл рукой по циновке у кровати и сказал:

— Похоже, огонь в печке погас. Я пойду разожгу его.

Ци Инлань, уложив ребёнка, поспешно встал, чтобы пойти с ним. Они вместе вышли в

переднюю комнату, где находилась печь. Один выгребал золу, другой подкладывал дрова.

Ци Инлань всё ещё был бледным, его руки дрожали, когда он держал кремень. Цин Янь посмотрел на него. Тот слабо улыбнулся и сказал:

— Не смейся надо мной, Цин Янь.

Цин Янь покачал головой, показывая, что и не думает этого делать.

Прошло какое-то время, прежде чем огонь разгорелся. Ци Инлань закрыл лицо руками и расплакался. Он, задыхаясь, проговорил:

— Лю Сян, похоже, умер не своей смертью.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Цин Янь, нахмурившись. — Разве не из-за сложных родов?

Ци Инлань покачал головой:

— Это слова семьи Ян. Когда его тело привезли, я сам видел... у него под ногтями была земля. В носу — земля. Рот был широко открыт, и там тоже была земля.

Цин Янь широко раскрыл глаза, потрясённо глядя на него.

Ци Инлань, весь бледный, словно безжизненный, продолжил:

— Чжан Цзюй сказала, что когда его выкопали, он стоял в земле вертикально.

Его голос дрожал, а слова звучали как заклинание:

— Разве мёртвых хоронят стоя?

Эти слова словно эхом разносились в голове Цин Яня, заставляя его содрогнуться. Он почувствовал, как нижняя рубашка промокла от холодного пота.

<http://bllate.org/book/13590/1205246>